

СТРАТЕГИЯ «ДЕНАТУРАЛИЗАЦИИ» В ФИЛОСОФИИ ДЖУДИТ БАТЛЕР

Раскрываются основные положения стратегии денатурализации, предложенной известным американским философом Джудит Батлер. Выявляется методологическая связь этих положений с философией Мишеля Фуко, а также постулируется принципиальная значимость данной стратегии для представителей феминизма и гей-сообщества.

Ключевые слова: феминизм; гей-сообщество; денатурализация; гендерная идентичность.

Никогда раньше онтология и тесно связанные с ней категории реального, естественного, материального не претерпевали такого масштабного изменения и переосмысления, как в наши дни. Проблематизация реальности стала одной из главных интриг современности. «Смерть Бога», так отчаянно провозглашенная в философии Ф. Ницше, означала утрату доверия к сверхъестественному, идеальному миру красоты, истины и добра, на понимании которого покоились представления классической западной философии. «Смерть Бога» ставила человека перед необходимостью понимать и описывать мир таким, каким он представлен в нашем опыте, отвлекаясь от возможных, предполагаемых или желаемых, трансцендентных оснований.

«Пробудившийся, знающий, говорит: я – тело, только тело, и ничто больше; а душа есть только слово для чего-то в теле», – восклицает Заратустра [1. С. 33]. Этим пассажем Ф. Ницше показывает, что основная ошибка классической философии заключалась в пренебрежении материальным, осязаемым миром, человеческим телом. Однако данная позиция выявляет также и безусловную уверенность в том, что само-то это тело, материальный мир, доступный нашему восприятию, являются незыблемыми, несомненными реалиями. И с этим онтологическим статусом телесность выступает предметом особо пристального внимания уже в философии XX в., где физиология, биология, естественность раскрывают всю неоднозначность своих определений.

Поворотным пунктом в осмыслении телесного стала философия Мишеля Фуко. Следуя генеалогической методологии Ф. Ницше, он проблематизирует концепцию тела как онтологической и биологической константы. По сути, человеческое тело никогда в культуре не может быть только фактом или биологической сущностью. Человеческая телесность является неотъемлемой частью грандиозного по своей значимости тандема власти-знания: «Тело непосредственно погружено в область политического. Отношения власти держат его мертвой хваткой» [2. С. 39]. «Чистая», т.е. биологически фундированная, анатомия иллюзорна. То, что действительно имеет отношение к реальности, Фуко называет анатомией политической, т.е. «исследованием «политического тела» как совокупности материальных элементов и техник, служащих оружием, средствами передачи, каналами коммуникации и точками опоры для отношений власти и знания, которые захватывают и подчиняют человеческие тела, превращая их в объекты познания» [2. С. 43]. Тело пыгаемое и казнимое и тело муштруемое, дисциплинированное, вообще тело человеческое – культурный конструкт, пронизанный властными отношениями, дискурсивными практиками. Это всегда уже определенным образом понятие, проинтерпретированное, маркированное политическое тело.

Однако динамика власти такова, что маркирование и политический захват тела, впервые выводящие его на культурную авансцену, делающие тело видимым, осуществляются посредством практик исключения, т.е. таким образом, что производимое дискурсом тело представляется вполне адискурсивным или естественным, что порождает иллюзию онтологической укорененности телесного, противостоящей искусственности культурного поля.

Таким образом, философия М. Фуко проблематизирует онтологию телесности в двух аспектах:

1. «Видимое» тело объявляется культурным конструктом, воплощающим, материализующим механизмы власти – знания.

2. Дискурсивная заданность, политическая маркированность тела вуалируются властным дискурсом, порождая эффект естественности.

Эти два принципа восприняты современной постфеминистской и гендерной философией в качестве методологической первоосновы. Через них прописывается фундамент экспликации феномена Естественного в современности, который включает в себя не только «естественное» тело, но и «естественную» половую принадлежность, «естественную» противоположность полов, «естественную» сексуальность и «естественные» способы ее выражения. Другими словами, рассмотрение тела в контексте дискурса, предложенное и разработанное М. Фуко, поставило под вопрос категорию естественного как таковую, что позволило по-новому сформулировать и разрешить базовые проблемы феминизма и гендерных исследований.

Главным теоретиком, воспринявшим и развившим установки М. Фуко применительно к более широкому спектру проблем, считается ведущий американский гендерный философ Джудит Батлер. Свой подход Батлер обозначает как стратегию «денатурализации» гендерных и сексуальных различий, которая в большой степени связана с денатурализацией тела и деконструкцией субъекта в фукианской критической онтологии. В этой перспективе основные положения философии Д. Батлер можно эксплицировать в следующих базовых аспектах.

1. Денатурализация тела/пола. Теоретический феминизм, зарождение которого связывают со знаменитой книгой Симоны де Бовуар «Второй пол», в своих посылах исходит из различения биологической сущности пола (хромосомного, гормонального состава, анатомического строения человека) и социокультурного аспекта половой принадлежности, который с 70-х гг. XX в. принято называть гендером. В отличие от естественного пола гендер признается искусственной и культурно обусловленной надстройкой. Так, по словам Г. Лернера, гендер – «это костюм, маска, сми-

рительная рубашка, в которой мужчины и женщины исполняют свои неравные танцы» [3. С. 209]. Очевидно, этим предполагается, что «рубашка» гендера смиряет объективно и независимо от культуры, языка, стереотипов существующих биологических мужчин и женщин.

Утверждение пола как адискурсивной онтологической первоосновы является одним из признаков модернизма феминистской теории, обуславливающего так называемую онтологию естественного. Постфеминистское прочтение этой установки, представленное в философии Джудит Батлер, вскрывает всю проблематичность традиционного деления на пол и гендер. Прежде всего, анализируя работу де Бовуар, Батлер обращает внимание на противоречивость в экспликации присвоения гендера определенным телом. С одной стороны, гендер признается в качестве определенной социальной надстройки относительно пола, некоторым выражением биологических признаков в социуме и культурной среде. С другой же стороны, фактическое присвоение гендера связано с жестким репрессивным воздействием культуры, не допускающим никаких альтернатив, и свободного волеизъявления: «Человек не становится воплощением определенного гендера путем свободного, ничем не ограниченного выбора, так как гендерная идентичность управляется определенным набором строгих табу, условностей и законов. За несоответствующее выражение гендера предусмотрены наказания: мужчина в штате Мэн прошелся по улице в платье, как подобает женщинам; на следующий день его труп находят в овраге» [4. С. 296].

Множество примеров негативного отношения к трансгендерам только подтверждает репрессивные стратегии навязывания гендерной идентичности. Если бы гендер соответствовал полу, то механизм культурного принуждения попросту бы не существовал. С точки зрения Д. Батлер эта противоречивость присвоения гендера позволяет сформулировать очень значимый вывод, а именно: «Не только не существует причинно-следственной связи между полом и гендером, но само слово “пол” является неправильным употреблением термина, и биологическая действительность, которую мы называем полом, сама есть исторический конструкт и на самом деле является политической категорией» [4. С. 302]. Натурализация пола есть по сути лишь одно из множества средств для навязывания определенной гендерной идентичности. Человек должен вести себя, одеваться, говорить, думать, как подобает женщине / мужчине, *потому что* является человеком женского / мужского пола, т.е. потому, что этот человек *есть женщина / мужчина*. Апелляция к онтологии в данном случае есть репрессивный механизм, с помощью которого индивид соглашается надеть смирительную рубашку гендера. Хотя в большинстве случаев эта рубашка надевается гораздо раньше, чем индивид вообще обретает способность выбора, например, обвязыванием голубой или розовой ленточкой новорожденного. Так или иначе множество примеров резкого (трансгендеры) или умеренного (мужеподобные женщины и женоподобные мужчины) сопротивления однозначной гендерной идентичности опровергает эссенциалистскую интерпретацию пола. «Не существует пристани-

ща в виде тела, которое не было бы уже проинтерпретировано в значениях, присущих данной культуре, следовательно, пол нельзя расценивать как додискурсивную анатомическую данность. Действительно, пол, по определению, всегда был исключительно продуктом культуры» [5. С. 308]. Таким образом, становится невозможно утверждать существование мужских и женских тел вне культурного контекста. Тело человеческое, тело, обладающее полом, «замарано» дискурсом и только вследствие этого является существующим, видимым, «реальным».

2. Деконструкция женского субъекта. Итак, тело вообще и, следовательно, женское / мужское тело в частности представляет собой культурный конструкт. Это утверждение совершенно неожиданно ставит под вопрос то субстанциальное «мы», на котором базируется классический феминизм. Если крайне затруднительно говорить о существовании женского тела как такового, в каком смысле и на каком основании возможна экспликация женщины как субъекта феминистского дискурса? Каков онтологический статус женщины в ситуации денатурализации женского тела?

Теория феминизма развивалась, следуя четкой цели описания и репрезентации вытесняемого или неверно истолковываемого, специфического по отношению к мужскому, женского опыта. Фаллологоцентризм, представлявший собой безальтернативный стиль мышления и языка западноевропейской культуры, производил множество концепций женского, вписанных в общую бинарную парадигму и сформулированных без участия самих женщин. Представление женщин в различных социокультурных и политических аспектах стало главной целью феминизма. Другими словами, женский субъект, требующий адекватной репрезентации в языке, культуре и политике, фундирует само существование феминизма.

Однако что представляет собой этот женский субъект? Насколько непротиворечиво и «естественно» его существование «до» и «вне» дискурса, требующее своей репрезентации в нем? Д. Батлер отвечает на эти вопросы, эксплицируя несколько проблемных аспектов.

Во-первых, понятие женщины даже внутри самого феминизма является предметом споров и несогласия, поскольку все попытки сформулировать содержание феминистского «мы» неизбежно приводят к исключению определенной категории людей, считающих себя женщинами, из дескриптивных рамок женского субъекта. Так, например, классический феминизм, описывая и представляя проблемы европейских женщин, сталкивается с критикой со стороны цветных женщин. Феминизм, определяющий женскую сущность в материнстве, игнорирует интересы тех женщин, которые не могут или не хотят становиться матерями.

Во-вторых, понятие женщины обусловлено также и контекстом конкретной исторической эпохи, в зависимости от которого по-разному конституируется само содержание этого термина.

В-третьих, категория женщины неизбежно погружена в поле тесной взаимосвязи с категориями, обозначающими другие виды идентичности – расовые, классовые, этнические, сексуальные, региональные. «В результате, – замечает Д. Батлер, – представляется невозможным вычленив “пол” из переплетающихся политических и куль-

турных напластований, в которых он неизменно воспроизводится и поддерживается» [5. С. 302].

Вся эта несогласованность и крайняя противоречивость экспликации женского субъекта доказывает, с точки зрения Д. Батлер, что сам этот субъект является дискурсивным конструктом, не предшествующим условием, но результатом феминистского дискурса. Здесь, по сути, вновь применяется фукианская методология, посредством которой женщина разоблачается в качестве дискурсивного образования и конституируется как преддискурсивная естественность: «В действительности закон производит и затем скрывает понятие “субъект до закона”, с тем чтобы обратиться к этому дискурсивному образованию как к натурализованной базовой предпосылке, которая впоследствии узаконивает его собственную регулятивную гегемонию. Категория “женщины” – предмет исследования феминизма – производится и ограничивается теми же структурами власти, при помощи которых добиваются эмансипации» [5. С. 301].

Более того, стремление оперировать феминистским субъектом как устойчивым и непротиворечивым фактом, «натуральным» основанием политического движения и культурной репрезентации выступает репрессивным механизмом, с помощью которого индивид или группа индивидов обретают встроенный в жесткие бинарные оппозиции статус. Специфическое, уникальное и единое «женское» противостоит «мужскому», тем самым поддерживая традиционную «насильственную иерархию» и фундаментальный дуализм классического мышления. Иначе говоря, называя себя женщиной и относя, таким образом, свою индивидуальность к определенной групповой идентичности, я принимаю и общий контекстуальный шлейф, т.е. набор культурно-исторических интерпретаций и коннотаций женского, закрепленный западноевропейской традицией.

Не удивительно поэтому, что феминизм, представляя собой довольно мощную политическую силу, изменившую расстановку акцентов в политической и культурной жизни современного человечества, одновременно вызывал и вызывает мощное неприятие среди значительной части того «электората», представлять который он, по видимому, предназначен. Показательно также и то, в каком презрительном смысле зачастую употребляется и воспринимается слово «феминистка» теми людьми, которые обязаны феминизму как реализацией своих прав на избирательный голос, собственность и образование, так и вообще уровнем своей жизни, возможностью полноценной и многосторонней реализации в современном обществе. Это восприятие феминизма парадоксально, но обусловлено реальными причинами, а именно, как замечет Д. Батлер, недостаточным уровнем феминистской самокритики, которая не способна признать конституирующую силу собственного дискурса: «Убеждение в том, что феминизм может добиться более широкой репрезентации субъекта, которого он сам же и конституирует, по иронии влечет за собой возможность краха этих устремлений из-за того, что феминизм отказывается принимать в расчет конститутивную силу своих собственных притязаний на репрезентацию» [5. С. 303].

Деконструкция женского субъекта, однако, совсем не влечет за собой «смерть женщины» и «смерть феминизма».

Напротив, осознание границ употребления данных терминов является значимым шагом к эмансипации, поскольку впервые открывает женское для переобозначения, освобождая его тем самым от фиксации на позициях традиционной субординации. «Таким образом, деконструкция субъекта феминизма означает не цензурирование его употребления, но наоборот высвобождение его для будущих множественных сигнификаций, избавление его от онтологий про-материнских или про-расовых, за которыми он закреплен, введение его в игру как место, где могут возникнуть самые непредвиденные значения. Парадоксально, но может быть только через освобождение категории женщин от фиксированного референта нечто вроде «свободы действия» становится возможным» [6. С. 251].

Таким образом, Д. Батлер признает, что заявления от имени женщин совершенно оправданы в рамках законодательных усилий, демонстраций, радикальных феминистских акций и других политических инициатив. Однако все это не имеет смысла, если не базируется на глубинном понимании противоречивости и относительности любых дефиниций женского субъекта. Более того, без этого понимания любая апелляция к женщине как к «само собой разумеющейся» субстанции представляет собой механизм, с помощью которого поддерживается традиционная субординация мужского / женского в культуре, т.е. достигается и утверждается эффект, прямо противоположный целям и задачам феминизма. Деконструировать женское, по Д. Батлер, означает раскрыть этот термин к тому *et cetera*, которое исконно лежало в его основании, но воспринималось ранее как то, что должно быть преодолено в фиксированном референте. На самом же деле это путь к выявлению многозначности того, что значит быть женщиной, обретению свободы быть женщиной.

3. Денатурализация гомосексуальности и гомоидентичности или преодоление гетеросексизма. Конституирование женского субъекта и мужского / женского тела тесно связано с единством пола-гендера-желания, т.е. осуществляется путем онтологизации пола через навязывание гетеросексуальной схемы желания. Быть женщиной означает, таким образом, быть сексуальным объектом для мужского субъекта и, более того, испытывать и реализовывать желание быть таковым объектом. Парадоксальность этой ситуации, не оставшаяся незамеченной для феминистских исследователей, в том числе и для Д. Батлер, состоит в том, что дискурсивное предписание быть женщиной конституирует субъект, желающий стать объектом, т.е. содержащий глубинное внутренне противоречие. Императив гетеросексуальности предполагает также наличие бинарной оппозиции гетеросексуального / гомосексуального, которая поддерживает и закрепляет безусловное значение данного императива. При этом гомосексуальная (лесбийская или гей-) идентичность, при поверхностном прочтении кажущаяся средством опрокидывания гетеросексуальной гегемонии, на самом деле является подтверждением ее безальтернативности, поскольку удерживает бинаризм, лежащий в ее основании.

Так, по мнению известного современного исследователя гомосексуальности, автора знаменитой книги «Гомосексуальность: Естественная история» Френсиса

Мондимира, древнегреческая культура вообще не знала особого рода идентичности на основе принадлежности к определенному типу сексуальности. Потребность в гомоидентичности развивается параллельно с формированием дуалистической парадигмы мышления в западноевропейской традиции как ответ на гетеросексистскую дискриминацию. Свободное от бинаризма восприятие любви и сексуальных практик далеко от необходимости жесткого разделения на категории и фиксированной субординации. Именно поэтому вводимое Платоном в диалоге «Пир» различие небесной и пошлой любви не приводит к бинарному различению самих «любителей», вследствие чего и мужчины и женщины в Древней Греции «могли свободно выражать гетеросексуальные и гомосексуальные чувства, не будучи осужденными обществом и не неся на себе особого ярлыка: «Сафо была поэтом, любящим женщин. Она не была лесбиянкой, писавшей стихи» [7. С. 26].

Д. Батлер обозначает эту двойственность гомосексуальной идентичности посредством понятия «практика стыда». «Устыжение субъекта через его наименование» – одна из главных целей гомофобического дискурса. Здесь, по сути, мы имеем дело с теми же механизмами исключения, которые формулировал М. Фуко в качестве неотъемлемых признаков дискурса власти. Гомосексуальный субъект конституируется гетеросексистским дискурсом как предискурсивная естественная сущность для того, чтобы индивид, подкупленный видимой натуральностью, воспринял лесби- / гейидентичность и тем самым подтвердил бы статус «извращенца», «отступника» от гетеросексуальной нормы.

Особое значение постфеминистская интерпретация гомосексуальности обретает в связи с депатологизацией и декриминализацией гомосексуализма в современном обществе, поскольку тем самым обозначился переход от практики называния к более жесткой практике натурализации. Конечно, само гей-сообщество склонно оценивать эти перемены положительно в качестве долгожданного coming out. Однако общая логика репрезентации гомосексуального субъекта и гей- / лесби-сообщества позволяет обнаружить скрытые механизмы властного гетеросексистского дискурса и обратить к гей-движению те же самые претензии в малой степени самокритики, что прежде были обращены к феминизму. Недооценивание конститутивной способности го-

мосексуального дискурса, его подчиненного положения по отношению к традиционной бинарной схеме гетеро- / гомооппозиции, возможно, и является на сегодняшний день тем препятствием, которое мешает полноценной реализации индивида, запертого в жесткие дескриптивные рамки гомосексуального субъекта.

Представленные аспекты стратегии денатурализации в философии Джудит Батлер раскрывают эффективность применения методологии М. Фуко относительно фундаментальных проблем современного феминистского и постфеминистского дискурса. Экспликация дискурсивной обусловленности «естественного» мужского / женского тела, женского и гомосексуального субъектов открывает новые возможности преодоления бинарных оппозиции западной культуры, заковывающих в «смирительную рубашку» гендерной, сексуальной и иных фиксированных идентичностей. Однако преодоление одних проблем неизбежно выявляет перспективу других, не менее серьезных. Что или кто останется под этой рубашкой после снятия всех дискурсивных конструкций? Если я не есть женщина, сексуальный объект, эпистемологический субъект, тело, то кто же я? Можно ли в таком случае говорить о ком-то, кто скован традиционным бинаризмом и онтологией естественного и ожидает освобождения через фундаментальную деконструкцию? Или кто-то – это всегда уже субъект, т.е. фикция, конституируемая посредством механизмов субъекции? «Быть под господством власти, внешней тебе, – знакомая и мучительная форма. Однако обнаружить, что то, что “ты” есть, само твое устройство как субъекта в определенном смысле находится под воздействием этой самой власти, – нечто совсем другое. Субъекция состоит как раз в этой фундаментальной зависимости от дискурса, который мы никогда не выбираем, но который парадоксальным образом дает начало нашей деятельности и поддерживает ее» [8. С. 15–16].

Какой бы ни была перспектива деконструкции – раскрывающей зияющую пустоту адискурсивного ничто либо, как считает Д. Батлер, тем освобождающим прорывом, который откроет, наконец, дверь в неизданное, но положительное общество подвижных дефиниций, – в любом случае естественное, материальное, телесное больше нельзя воспринимать независимо от языка, власти и дискурса. Онтологический статус этих категорий больше не может считаться бесспорным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого / пер. с нем. Ю.М. Антоновского. Москва : АСТ ; Харьков : Фолио, 2004. 395 с.
2. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. М. : Ad Marginem, 1999. 478 с.
3. Социология: Энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Еволькин, Г.Н. Соколов, О.В. Терещенко. Мн. : Книжный Дом, 2003. 1312 с.
4. Батлер Дж. Присвоение телом гендера: философский вклад Симоны де Бовуар // Женщины, познание и реальность: Исследования по феминистской философии / сост. Э. Гарри, М. Пирсел ; пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2005. С. 292–303.
5. Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / под ред. Е. Гаповой. Мн. : Прописи, 2000. С. 297–346.
6. Батлер Дж. Случайно сложившиеся основания: феминизм и вопрос о «постмодернизме» // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков : ХЦГИ ; Санкт-Петербург : Алетей, 2001. С. 235–257.
7. Мондимер Ф.М. Гомосексуальность: Естественная история / пер. с англ. Л. Володиной. Екатеринбург : У-Фактория, 2002. 333 с.
8. Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции / пер. Завена Баблюна. Харьков : ХЦГИ ; Санкт-Петербург : Алетей, 2002. 168 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 15 июля 2011 г.